«Радость в действенном ее свершении...»

В 1922 году в Париже вышла первая часть романа-эпопеи Георгия Гребенщикова «Братья Чураевы». Книга имела большой успех, ее автор приобрел огромное количество поклонников. Слава докатилась и до русского Харбина, где Гребенщиков нашел последователя в лице участника Белого движения, казачьего офицера и поэта Алексея Алексеевича Грызова, писавшего под псевдонимом Ачаир.

Воодушевленный философией Гребенщикова, осенью 1925 года при Христианском Союзе Молодых Людей (ХСМЛ) Харбина, Грызов-Ачаир организовал кружок любителей поэзии «Молодая Чураевка». Это литературное объединение возникло в среде эмигрантов, выходцев из царской России, в основном из Сибири и Дальнего Востока. Многие из них были детьми когда-то знаменитых в России семей, теперь вынужденных жить на чужбине.

Кого-то из них вывезли из России еще детьми, другие родились в Харбине и об исторической родине знали лишь понаслышке. «…Некоторые эмигранты ставят точку на своем русском прошлом и строят всю свою нынешнюю жизнь без расчетов на возвращение когда-либо на родину. Они и детей своих воспитывают в полном отрыве от русской культуры на языке и в духе той страны, где решили обосноваться» *[1]*, — сетовал издатель и редактор ряда периодических изданий русского Харбина Евгений Кауфман в юбилейном номере журнала «Рубеж».

В тяжелые времена утраты духовных ориентиров молодые люди из эмигрантской среды нуждались в лидере, способном объединить и повести за собой. И таковым стал поэт и музыкант, человек, не равнодушный к судьбам молодежи в эмиграции, Алексей Алексеевич Ачаир. Одна из воспитанниц «Молодой Чураевки» Юстина Крузенштерн-Петерец вспоминала: «Ачаир жил Россией и для России. Его человеческое и гражданское мужество было примером для многих. Основатель «Молодой Чураевки» стремился показать молодому поколению смысл и цель жизни, которые он видел в России и служении ей. "Это неправда, что России нет, — говорил он. — Мы — тоже кусок России и призваны сохранить то, что осталось от ее культуры"».

«Дорогому старшему брату по народу, — обращался Ачаир к Гребенщикову. — С молодежью я работаю по мере сил. Очень жаль мне молодых. Взрослые их совсем игнорируют. Оставили. Да и верно: самим тяжело жить. Судить нельзя. Но от этого никому не легче… Молодежи нужна поддержка, и поддержка моральная» *[2]*. Одна из членов кружка Елена Якобсон писала: «Лишенные родины, они [*молодежь — О. Т.*] упорно держались за свой язык и за любовь к русской культуре. Своими учителями они считали великих русских поэтов, и не сомневались в том, что они — тоже русские поэты» *[3]*.

Поначалу содружество молодых поэтов именовалось «Кружок ХСМЛ журнала», затем — «Вечера под зеленой лампой». Вскоре под влиянием идей Георгия Гребенщикова кружок был назван «Молодая Чураевка» и официально зарегистрирован 20 марта 1926 года. Харбинская пресса сообщала: «Первый раз собралась маленькая группа молодежи, образовавшая "Кружок ХСМЛ

Журнала"… За большим столом, в пустоватом зале собирались девушки и юноши — почти дети» *[4]*.

Более романтично описывает обстоятельства появления кружка Алексей Ачаир: «Как-то в июне… мы сидели в комнате, выходившей окнами в сад… Окна были открыты… Читали стихи, пили чай с сухими трубочками, похожими на корицу, и фруктовыми вафлями… А от этой мелочи как-то сразу перешли к решению крупного для нас вопроса: как назвать наш кружок? И какая у него должна быть цель? Так появилась "Молодая Чураевка". Так появились чураевские поэты» *[5]*.

На первых порах кружок посещали около двадцати человек от 15 до 20 лет. Постепенно объединение разрасталось, в него вливались новые молодые дарования. В Уставе «Молодой Чураевки» записано: «Открыта для всех, кто может свой труд и знания, и творчество разделить в ее общей работе». Девизом чураевцев стали слова Георгия Гребенщикова: «Помочь человеку проходить свой жизненный путь бережно, полезно и красиво».

В одном из писем Гребенщикову Ачаир поделился идеей о создании кружка молодых литераторов. Это известие Георгий Дмитриевич принял с радостью, ведь в своей деятельности кружковцы, по замыслу организатора, утверждали принципы, которые декларировали в своих трудах Рерих и Гребенщиков. В письме к Грызову-Ачаиру от 10 октября 1927 года Георгий Гребенщиков писал: «Дорогой Алексей Алексеевич! Получил ваше письмо от 23 августа 1927 г. с прекрасной вестью о вашем решении учредить "Молодую Чураевку" на Сунгари. Это для меня уже сама радость в действенном ее свершении... Что касается моих советов, то если они могут вам помочь, я дам их вам со всей охотою.

По-моему, основная цель должна быть самой далекой и прекрасной настолько, чтобы казалась почти недостижимой… Конкретная начальная цель должна быть — Общее Благо, в чем бы оно ни проявлялось. Пусть каждый принесет в Общину все лучшее, что он может в смысле отвлеченных идей или искусства, но каждый должен проникнуться сознанием необходимости труда, часто самого тяжелого. Избравши основную цель, решайте так, чтобы после начала дела не колебаться и не отступать, ибо сомнения и колебания губительны.

…Пожалуйста, нигде, ни в какой чужой стране не чувствуйте себя эмигрантами, но чувствуйте везде необходимыми людьми, твердою походкою идущими к высокой цели» *[6]*.

По мысли Гребенщикова, созданием «Молодой Чураевки» в Харбине претворялась его идея «Школы Жизни», которую он уже начал, возводя свою Чураевку: «Я именно теперь весь устремлен в будущее — то есть к молодежи и их наследникам. Отсюда и идея "Школы Жизни". И в этом письме — мы уже начинаем ее. Школа жизни — не должна быть ни тяжелою учебой, ни скучными лекциями, ни даже советами старших к младшим, а прямо — работа всех тех, кто ищет радости. Вот и начнем учиться вместе: я у вас, а вы все друг у друга, и у жизни, и у лучших учителей духа, которых почему-то слишком мало знают» *[2]*.

Алексей Ачаир, следуя идеям наставника, сформулировал жизненное кредо чураевцев так: «Это путь к красоте, простоте и бесстрашию, это возжигание факела духа во мгле повседневных забот…» Он чувствовал большую ответственность за молодежь и считал несомненным долгом старшего поколения эмигрантов внимательное отношение к подрастающему поколению. «Я должен. Ведь все мы должны — следующему за нами поколению, которое слишком мало хорошего видело, да и сейчас видит в жизни, — писал он Гребенщикову. — И лишать их даже части того, что нам в свое время дала жизнь, — это значит сознательно убивать и свое, и их, и общее для всех нас, связанных принадлежностью к одной Стране и народу, — убивать будущее…» *[2]*.

Ачаир знакомил харбинскую молодежь с историей русской литературы, особенностями стихосложения, побуждал своих подопечных к творчеству.

Самой юной поэтессой «Молодой Чураевки» была Галина Копытова. В 1927 году 31 мая Алексей Ачаир пишет Гребенщикову: «Не так давно я послал И. А. Якушеву карточку с нашего кружка. Сейчас я не имею копии, но заказал для Вас и пошлю сразу же, как получу. На фотографии — кружок осени 26-го. Сейчас он несколько изменился в своем составе; работа освободила наиболее юных и привлекла несколько новых, кто постарше. Но все они — не старше 18 лет. А самая маленькая Галина Копытова — 15 лет. Они из разных мест — от Урала до Владивостока» *[2]*.

Благодаря созидательной энергии и педагогическому дару ведущего секретаря ХСМЛ Алексея Ачаира, которого молодежь, по его же словам, «считает старшим другом, и больше того — старшим братом», кружок любителей поэзии «Молодая Чураевка» стал общепризнанным центром духовной жизни русско-китайского Харбина.

«Родной земли осколок...»

Харбин — уникальное явление в русской истории. В 1920 годы он был почти русским городом. Харбин собрал под свое крыло остатки армий Колчака, Каппеля, атамана Семёнова. В результате с 1917 по 1923 год численность населения в городе выросла более чем в три раза — до 380 тысяч жителей. Ни в каком другом городе мира российские изгнанники не составляли национальное большинство и не чувствовали себя как дома. Город на берегу Сунгари напоминал провинциальную Россию, все потому, что был центром Китайско-Восточной железной дороги, построенной русскими и связывающей Россию и Европу с Дальним Востоком. Арсений Несмелов писал:

Кружка на карте удостоен
Совсем еще в недавний срок,
Рукою русской был построен
Наш любопытный городок;
Теперь он город, он огромен,
Многоэтажно-многодомен,
Он изменил начальный вид;
В нём не найти былого знаков
О дне, который говорит
Об изыскательских бараках,
Где первый Морзе застучал,
Где поселились инженеры,
Чертёжники и офицеры
И где казачий взвод стоял.

Харбин также называли Восточным Петербургом, потому что многие улицы носили одинаковые с Петербургом названия: Центральная, Первая линия, Вторая линия, Военная, Артиллерийская, Обозная, Офицерская, Большой проспект, Садовая, Армейская. Как и северная столица, Харбин возведен на болотах. Да и жизнь здесь текла привычно размеренно: как и в России, праздновались Пасха и Рождество, гастролировали российские театры и певцы, а местное население привносило в быт русской диаспоры своеобразный колорит азиатской культуры. Поэт Алексей Скорняков написал:

Он стоял у широкой и мутной реки,
Пресловутый Харбин, город нашего детства,
Город юности, трудной судьбе вопреки
Сохранивший свое золотое наследство.
Уж такой наши деды оставили след
На Китайско-Восточной железной дороге,
Что хранили его от войны и от бед
И Святой Николай, и маньчжурские боги.
Там вплотную Россия с Китаем сошлись,
И с Востоком бок о бок соседствовал Запад,
Там черёмух и ладана приторный запах
С ароматами яств азиатских сплелись…

И по размаху культурной жизни, и по числу журналов, альманахов и газет харбинская колония намного превосходила русские диаспоры Берлина, Праги и Парижа.

Китайский город стал приютом и второй родиной для многих изгнанников из России. С благодарностью и любовью писала о Харбине и поэтесса-эмигрантка Елена Даль:

Русской бури путь зловещ и долог,
Но меня, как тысячи других,
Ты, Харбин, родной земли осколок,
Защитил, укрыл от вихрей злых.
И теперь ни от кого не скрою,
Милым городом покорена,

Что мне стала родиной второю
Приютившая меня страна.

С особым теплом вспоминает о Харбине представительница «Молодой Чураевки» Ларисса Андерсен[4]: «В Харбине было все, что надо для молодежи: спорт, купания, яхты. Зимою — коньки, салазки. А университетские балы, драма, концерты, библиотеки! Как много здесь в связи с бегством из России находилось высокообразованных людей: профессоров, писателей, художников. И все это было доступно. Именно там, в эмиграции, особенно среди молодежи, бесклассовое общество получилось само собой…» *[7]*.

«Несли меня вихри, как пики и стрелы...»*

Покровитель русской харбинской молодежи, организатор «Молодой Чураевки» Алексей Алексеевич Грызов-Ачаир — личность легендарная. Он прожил всего 64 года, двадцать три из них — в Харбине, десять лет — в воркутинском ГУЛАГе, три года — в ссылке в эвенкийском районе на севере Красноярского края в селе Байкит, а остаток жизни, один лишь год, в Новосибирске.

«Тонкий поэт и прекрасный человек», по словам члена «Молодой Чураевки» Владимира Слободчикова[5], Грызов родился в Омске 23 августа 1896 года в семье полковника Сибирского казачьего войска. Окончить инженерный факультет Петровско-Разумовской земледельческой академии в Москве ему помешала революция. Не приняв идей Октября, Алексей Грызов воевал на фронтах Гражданской войны. Был ранен, контужен, тяжело переболел тифом. Белый казачий офицер Алексей Грызов при отступлении дивизии из-под Красноярска с небольшой группой вынес дивизионное знамя, за что был представлен к Георгиевскому кресту 4-й степени.

---

* Строка из стихотворения А. Ачаира «Казаки».

В составе отступающего войска Колчака Алексею Грызову довелось испытать тяготы Великого Сибирского Ледяного похода. В октябре 1922 года, после занятия красными Владивостока, пешком, с отмороженной ступней, он ушел через границу в Корею, а оттуда в Харбин. В письме от 4 июня 1927 года Грызов-Ачаир пишет Гребенщикову о своих мытарствах: «Вы не знаете, что семь лет тому назад я один бродил в оленьей шкуре, полубосой, голодный, дикий — по Якутской тайге моей любимой Сибири. Я слеп в тайге, я шел по бадарану*, ступая окровавленными ступнями на острые сухие стебли прошлогодних трав, я сидел у реки три дня и глодал выброшенную на берег гниющую рыбу, и искал смерти — и не находил ее. Об этом говорю я сейчас, как о прочитанном. У меня с того времени остались записки — обрывки записок, полуистлевшие листки. Затем, когда через много времени, я был снова в кругу людей, мне близких, я начал по этим листкам составлять записки. Но самые листки, соединенные с моим страданием, были мне дороги» *[2]*.

В судьбе Алексея Ачаира, как в капле воды, отразилась трагедия российской эмиграции двадцатого столетия. Возможно, потому именно Грызову-Ачаиру суждено было написать пронзительное стихотворение «В странах рассеянья», ставшего для нескольких поколений русских эмигрантов своеобразным реквиемом.

Не сломила судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли…
А за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету её разнесли! *[8]*.

Для бывшего казачьего офицера работа с поэтически одаренной харбинской молодежью была духовным прибежищем, возможностью бороться с недугами, забыть пережитое и принять неизбежное.

---

* Окошки в болотистых местах.

«Возжигание факела духа во мгле повседневных забот...»

Молодежь боготворила Ачаира. «…У него было большое сердце, страстно любившее поэзию и умевшее передать эту любовь другим. Абсолютно лишенный способности завидовать он восхищался каждым чужим успехом, был умным, хотя, пожалуй, чересчур снисходительным критиком. Заниматься с молодежью он мог часами. Ему несли на просмотр горы стихов: он их внимательно прочитывал, а когда разъяснял ошибки, больше всего думал о том, как бы ни обидеть автора», — вспоминала Юстина Крузенштерн-Петерец *[1]*.

Георгий Гребенщиков высоко ценил педагогический дар Алексея Ачаира: «Вам отпущено Богом так много, что много с Вас и спросится, и потому Вам надо радоваться тому, что Вам выпало на долю столько ответственной работы и столько радости — быть водителем целой группы учеников. Подумайте, какое благостное это слово — Учитель!» *[2]*.

При этом к своим педагогическим способностям сам Алексей Ачаир относился скептически. В послании к Георгию Гребенщикову от 4 июня 1927 года он писал: «Из меня никогда не выйдет (я и не стремлюсь быть им) ни педагог, ни воспитатель». Однако он совершенно ясно осознавал всю ответственность в работе с молодежью: «Но я должен помнить, что молодежь меня считает старшим другом и больше того — старшим братом. Не оправдать ее веры было бы моим логическим концом» *[2]*.

В другом письме к Гребенщикову Ачаир рассуждает о необходимости выполнения требований, которые возлагают на него Родина и подрастающее поколение: «Через все периоды моей жизни, через изменяющиеся условия и разнообразные формы приложения труда — одно неизменно: я — сибиряк (родился я в Омске) и родина моя предъявляет ко мне свои требования. Эти требования я обязан выполнить. До сего времени (за исключением краткого периода, когда мне приходилось видеться с Г. А. Вяткиным) я — один. И не в этом еще беда. А в том, что молодежь, вокруг меня группирующаяся, предъявляет ко мне, как и большая Сибирь, — также свои требования. И вот здесь я не могу один.

И я пишу Вам, хотя мы с Вами и не знакомы» (письмо от 28 марта 1927 года) *[2]*.

Питомцы Алексея Ачаира также писали Георгию Дмитриевичу Гребенщикову, и он им охотно отвечал. Поэт Николай Щеголев[6] сообщал наставнику: «Работаю в инициативной группе "Молодой Чураевки", расцветшей, как Вам известно, за этот год до крупного кружка, собрания которого — всегда битком набиты интересующимися. Кружок этот, созданный по Вашей идее, единственно оживляет Харбин, город весьма недуховный… Был бы счастлив, затеять с Вами переписку на некоторые темы. Особенно интересует меня литературная форма и вопросы, связанные с ней» *[2]*. «Буду вам писать и буду радоваться вашим достижениям. Буду теперь ждать отдельных писем по возможности от каждого из вас. Смело ставьте в них ваши вопросы — по силе разумения буду искать для них ответы. С любовью обнимаю и благословляю каждого из вас на радостные подвиги-труды во имя светлого Завтра», — отвечал Гребенщиков юным друзьям 7 сентября 1927 года.

В своих письмах он давал юным «чураевцам» мудрые советы по самым разным, казалось бы, не касающимся поэзии практическим вопросам, он говорил о правилах общежития, о необходимости изучать ремесла, и, прежде всего, плотницкое, ремесло каменщиков, пчеловодов и прочие. Он учил этике, умению избегать мелочных раздоров, терпимости к политическим и религиозным убеждениям членов Общины. В письме к одному из членов кружка «Право, славные ли мы?» Георгий Дмитриевич размышляет на тему веры в Бога и комсомола. «Вы правы, думая, что если бы я с детства был в России, то, наверное, и я был бы среди комсомольцев. Но сейчас мне очень жаль их, и даже как будто я в чем-то виноват перед ними.

Чувствую я это, как тот счастливый мореплаватель, который плывет по морю на хорошем корабле, и вокруг плывут сотни и тысячи предоставленных себе, без руля и без ветрил. Потому что безверие несет в себе не только гибель их духовности, но и физическое разложение. У них нет сдерживающих центров, они пьют, сквернословят, развратничают, заражаются, и в результате смертельный пессимизм — и даже самоубийства. Даже

поэт Есенин, жертва такого безверия. Надо всякому человеку хоть во что-нибудь святое верить» *[4]*.

«Начинайте дело по-серьезному, деловито, экономно, осмотрительно, выбирая сотрудников со всею строгостью, — советует Георгий Гребенщиков Алексею Ачаиру. — Лучше 10-12 ваших крепких и широких мыслью, нежели сто неустойчивых, капризных и ленивых. Пусть лучше слабые окрепнут потом, вблизи Общины, пусть зародится в них желание соревнования с вами, и тогда дайте им постучаться к вам… Когда все у вас откристаллизируется и определится, я с радостью приму посильное участие и внесу свой пай, а в будущем надеюсь побывать в вашей Молодой Чураевке и потрудиться с вами на общей работе» *[2]*.

Георгий Дмитриевич прочитывал стихи молодых поэтов, оценивал их творчество, давал советы, касающиеся поэтического мастерства: «Когда будете писать, думайте о простоте и четкости русского языка, но дайте аромат и китайского. Ведь этого в литературе еще не было показано». Два сибиряка — Алексей Ачаир и Георгий Гребенщиков — несомненно, благотворно влияли на рост творческого мастерства юных дарований и их самооценку. Георгий Дмитриевич глубоко верил, «что именно эти молодые люди и, в особенности, девушки понесут наш свет широко в жизнь, и зерна нашего общего с ними труда дадут прекрасный плод. Потому мне кажутся временными и скоропреходящими Ваши моменты уныния или разочарования. Уж ежели Вы доросли до сознания, что "нет сильнее муки, как не иметь, что отдать", то значит — Вы умеете отдать и путем отдачи еще больше накопляете» *[2]*.

Благодарные питомцы посвящали Георгию Дмитриевичу стихи. Вот строки Тамары Андреевой, написанные в 1931 году:

Г. Д. Гребенщикову

Пейзаж китайский примитивно прост.
Тут верная жена нашла блаженство,
Чешуйчатый дракон свивает в кольца хвост
И тайных знаков страшно совершенство.

В одеждах длинных старец и монах,
Безмолвные, о чём-то грозно спорят;
Потоки золота в округлых облаках
Бросают свет на розовые горы.
И женщины, сгибая тонкий стан,
Храня торжественность на плоских лицах,
Следят, как медленно уходит караван
Нестройною и пёстрой вереницей.

«Поэтом родиться достоин лишь тот, кто очищен огнем...»*

«Молодая Чураевка» распахивала двери для всех, кто интересовался и любил художественную литературу. Чураевцы собирались дважды в неделю: по вторникам и пятницам. Для жителей Харбина в «Молодой Чураевке» устраивались открытые вторники, на которых с эстрады читали стихи и доклады, звучала музыка, исполняли арии и романсы, ставили спектакли, выступали ученые и литераторы старшего поколения.

Вот афиша одного из «Вечеров русской культуры» харбинской «Чураевки», состоявшегося 5 июня 1934 года. В верхнем правом углу рукою Николая Константиновича Рериха написано: «Было 800 чел.».

Программа встречи такова:

«1. Н. Н. Горчаков — Русская интеллигенция в Сибири

М. А. Талызин — Проникновение Русской культуры в Азию

В. К. Европейцев — Витязи Русской Азии

Приветствия академику Н. К. Рериху от объединений науки, литературы и искусства в Харбине

Н. К. Рерих — «Несение света».

2. Беседа у Зеленой Лампы:

Стихи — члены литературной студии Чураевки

Музыка и пение (по алфавиту)

С. В. Бабушкина — арии и романсы

---

* Строка из стихотворения А. Ачаира «Добыча».

Толя Ведерников — рояль соло
К. М. Добржанский — арии и романсы
А. Т. Дектярева — романсы
Е. В. Михайлова — арии и романсы
Николай Нежин — арии и романсы
С. А. Шадури — романсы
Борис Шашков — скрипка соло
Кира Эустратанович — романсы
У рояля: Галли, А. Ачаир, Л. Чеснокова
Начало ровно в 8 вечера»

Особой популярностью пользовалась поэтическая студия «Молодой Чураевки», возглавляемая поэтом Николаем Щеголевым. Студийцы собирались по пятницам в помещении гимназии Христианского Союза Молодых Людей по улице Садовой, дом 62. На заседаниях за чашкой чая изучали теорию стихосложения, слушали и разбирали стихи, и, бывало, питомцы критиковали даже Алексея Ачаира.

«Атмосфера в студии царила очень деловая и строгая, много внимания уделялось вопросам теории, в частности стихосложения. Тщательным образом изучались труды Валерия Брюсова ("Основы стиховедения"), Б. Томашевского ("Теория литературы"), В. Жирмунского ("Теория стиха", "Рифма, ее история и теория"), Андрея Белого ("Символизм"), а также практическое руководство Н. Щульговского ("Теория и практика поэтического творчества"). Овладение поэтическим мастерством считалось делом первостепенным, поэтому все участники этого творческого объединения должны были читать вслух свои поэтические произведения, а товарищи подробно и основательно их анализировали» *[9]*.

Т. Б. Тишунина, главный библиотекарь отдела литературы русского зарубежья РГБ, в статье «Незабываемая "Чураевка"» приводит курьезный рассказ Владимира Слободчикова из книги «О судьбе изгнанников печальной»: «Любитель шуток Пётр Петрович Лапикен (или попросту Мура, как его звали чураевцы) как-то распространил слух, что он переписывается с Белым. Однажды он принес в студию свое стихотворение, объявив, что это

новое произведение, которое поэт прислал лично ему. Хотя стихотворение не отличалось большим мастерством, студийцы стали находить в нем поразительные черты совершенства. Особенно восхищался Николай Щеголев, на которого и было направлено острие шутки Лапикена. Когда восторги поутихли, Мура объявил, ко всеобщему конфузу, что это стихотворение он написал сам, и тут Щеголев вскрыл в нем бесконечные огрехи» *[10]*.

Ларисса Андерсен вспоминает: «Я зачастила в ХСМЛ, в котором были различные кружки: спорт, "Костровые братья" и, наконец, "Зеленая лампа", где под руководством А. А. Грызова (А. Ачаира) читались вслух и разбирались книги, где можно было уютно и интересно провести вечера…» *[7]*.

Около зеленой лампы в студии лежал альбом, в который творческие люди и просто слушатели заносили свои впечатления, порой это были остроумные пародии, эпиграммы и шаржи.

Романтик и идеалист, Алексей Ачаир писал возвышенные, несколько туманные строки, и под собственную музыку декламировал их. «Поэму "Казаки" он читал, аккомпанируя себе на рояле, легким, задорным стаккато:

Стукаток, стукаток
Топоток, топоток…
На Восток…» *[11]*.

Георгий Гребенщиков хорошо отзывался о стихах Алексея Ачаира: «Теперь о Вашем личном — о стихах. Они мне нравятся, особенно сибирские, и часть их я бы с радостью напечатал, если бы было где. Вот я ращу свое дело, может быть, буду создавать особый, сильный Сибирский альманах — тогда соберу лучшие зерна всех сибиряков-писателей. Вот еще задача Вашим молодым друзьям — пусть каждый скажет в течение ближайшего полугодия по 20-40 строчек в прозе и стихах самого лучшего, самого действенного, самого незабываемо-волнующего каждого из них. Это будет для нас первый шаг к Школе жизни, то есть к Радости жизни» (письмо от 2 мая 1927 года) *[6]*. Главной темой стихов Ачаира, конечно же, была Россия, Сибирь и, по яркому выражению Юстинии Крузенштерн-Петерец, «она пела в его сти-

хах тоской, неизживаемой болью и в то же время — непоколебимой верой в нашу русскую миссию» *[8]*.

«Чураевцы служат России...»

С декабря 1932 кружковцы стали выпускать литературное приложение к местной англоязычной газете «Молодая Чураевка», которое выходило на двух страницах и содержало редакционную статью, прозу, стихи, заметки о литературе или искусстве, хронику местной жизни. Выпущено шесть номеров приложения. А 27 декабря 1932 года вышла в свет собственная газета кружковцев под названием «Чураевка». Она существовала по 31 октября 1934 года. Издания редактировал поэт Валерий Перелешин[7]. Крузенштерн-Петерец вспоминала о том, что, прочтя «Чураевку», Георгий Адамович написал: «Чураевцы служат России и ее культуре дельно, искренне, спокойно и умно; это одно из немногих зарубежных изданий, дающих право сказать, что русская литература продолжается… А это — главное» *[12]*.

В период расцвета «Молодой Чураевки» к началу 1930 годов кружок посещают до полусотни поэтов и прозаиков Харбина. Юстиния Крузенштерн-Петерец в статье «Чураевский питомник» описывает многих активных представителей поэтической студии: «Трудно себе представить группу более разнородную по характерам, вкусам, воззрениям, чем чураевский Цех Поэтов. Тихий, с головой погруженный в книги Валерий Перелешин. Быстрый, стремительный Николай Петерец. Медлительный, всегда шедший по линии наименьшего сопротивления Николай Щеголев.

Великан с детским толстогубым лицом Владимир Померанцев — Вовка, бредивший бандитами, корсарами, мушкетерами, галерами и тиграми. Вообразивший себя Печориным и ненавидевший себя за свои розовые щеки, за молодость, за неуспех у женщин, смотревших на него, как на ребенка, Георгий Гранин. Быть может, более уравновешенный, чем они все, волевой Сергей Сергин. А над всем этим царила как всеобщая муза, как маяк, как ось, приводившая в движение молодую творческую энергию, — Ларисса Андерсен. Все поголовно были в нее влюблены» *[11]*.

Лучезарная Сольвейг

О поэтессе и танцовщице Лариссе Андерсен нельзя не сказать особо. «Она писала прекрасные терпкие стихи», — говорил ценитель ее необыкновенной красоты и многочисленных талантов, безответно влюбленный в нее Александр Вертинский. Ларисса была последним птенцом чураевского гнезда. «Ей исполнилось всего лишь 13 лет, когда она пришла в "Молодую Чураевку". Слушала, как Ачаир читал свои стихи, играл на рояле, и сама в это время вышивала гладью или вязала какую-нибудь жакетку.

«Ачаир мне тогда сказал: "Ну вот пойдите и напишите сегодня стихи". Я его обожала. Значит, должна была слушаться. Пришла домой, пыхтела и придумала кучу стихотворений. Потом вошла во вкус» *[17]*.

Наделенная необыкновенной красотой и утонченной грацией Ларисса обладала благородным поэтическим даром и воспринималась не «роковой красоткой», а «лучезарной Сольвейг», как ее называли в кружке. Вот одно из самых известных стихотворений поэтессы.

Яблони

Лучшие песни мои не спеты,
Лучшие песни мои со мной.
Может быть, тихой ночью это
Бродит и плачет во мне весной.
Месяц застыл, навостривши уши,
Слушает сонную тишь Земли…
Если бы кто-нибудь мог подслушать
Боль безысходных моих молитв.
Сладким, безумным, предсмертным ядом
Яблони майскую ночь поят…
Знаю я, всем нам, цветущим, надо
Прятать в груди этот страшный яд.

Юстина Крузенштерн-Петерец вспоминала, какой Ларисса была в то время: «Темные кудри вокруг бледного личика, синие

глаза и белое воздушное платье — более воздушной, "яблоневой" девушки я никогда не видела» *[11]*.

Долгие годы Ларисса Андерсен, прекрасная танцовщица, постановщица сольных номеров, участница оперных постановок, исполнительница роли в оперетте, оставалась музой для многих поэтов Русского Китая. Однако стихи были важнейшей частью ее жизни. По настоянию Александра Вертинского в 1940 году поэтесса подготовила и издала небольшой сборник «По земным лугам».

«"Чураевку" необходимо сохранить во что бы то ни стало...»

«Молодая Чураевка» привлекала на свои показательные выступления до 300 человек. Зал ХСМЛ был всегда заполнен до отказа. Заседания кружка нередко посещали именитые люди. Однажды почтил визитом «Молодую Чураевку» художник и мыслитель Николай Константинович Рерих, направлявшийся через Харбин в Тибет. Он прочитал лекцию «Несение Света» о Сергии Радонежском. С докладами на литературоведческие темы выступали и представители старшего поколения русских литераторов: Арсений Несмелов, Всеволод Иванов, Евгений Яшнов и др.

В 1931 году вышел первый коллективный сборник «Семеро» под редакцией Алексея Ачаира, куда вошли стихи Лариссы Андерсен, Нины Ильнек, Наталии Резниковой, Николая Светлова, Лидии Хаиндровой, Михаила Шлейссера, Николая Щеголева. В предисловии к скромному изданию Алексей Ачаир тепло отзывался о первом опыте молодых поэтов и коротко характеризовал творчество каждого.

В апреле 1930 года «Молодая Чураевка» объявила конкурс стихотворений, на тему «Восток» и какую-либо другую на выбор. В жюри конкурса вошли писатель Василий Логинов, завредакцией «Рубежа» Михаил Рокотов, председатель «Молодой Чураевки» Николай Кичий, поэты Арсений Несмелов и Алексей Ачаир. В конкурсе приняли участие 14 человек, вместе они прислали 45 стихотворений. Среди стихов на тему «Восток» лучшим было признано стихотворение «Пятна на Луне» сотрудника журнала «Рубеж» Николая Светлова, работавшего под псевдонимом

Михаил Баян. О чураевцах много писала пресса, и когда разнесся слух о закрытии кружка, то одна газета выступила с предложением: « "Чураевку" необходимо сохранить во что бы то ни стало…»

Разногласия с «птенцами»

Постепенно молодежь стала отдаляться от своего наставника. У молодых поэтов появились свои воззрения на формы работы кружка и его дальнейшее развитие. Юному поколению харбинцев, порой вообще не знавшему России, была чужда «романтика неведомой Сибири», идеи служения ей, которые всемерно поддерживал Алексей Ачаир:

Святая Русь — Суровая Сибирь.
Так вот и всё, что сохранилось с детства…
И от тебя, годов изгнанья пыль,
Уберегу отцовское наследство *[8]*.

Многих чураевцев стало тяготить отеческое покровительство педагога, они имели свои предпочтения в поэзии и не принимали идеалов Ачаира. Осенью 1932 года Алексей Алексеевич уступает руководство молодым лидерам «чураевского переворота» Николаю Петерец и Николаю Щеголеву, оставаясь старшим товарищем. Поменялось и название кружка: питомцы выросли, и теперь он стал называться просто «Чураевкой».

Это случилось в канун наступления японского террора в Китае. С приходом японцев русским пришлось туго: эмигранты теряли работу, закрывались русские издания, рушилась система образования. Японцы создавали военизированные отряды, куда забирали русских молодых людей. С упрочением японской власти в Харбине ХСМЛ подвергся нападкам со стороны монархистов и фашистов за якобы западное влияние на русскую молодежь. В этот период в Харбине был организован фашистский «Русский клуб», который старался всемерно привлечь чураевцев на свою сторону.

Владимир Слободчиков вспоминал: «Делалось это так. Утром в газете мы читали объявление: сегодня в такое-то время в "Русском клубе" состоится доклад такого-то (например, Щеголева или Лапи-

кена) и после доклада выступят со своими стихами такие-то поэты (далее перечислялись имена чураевских поэтов). Нас никто не приглашал и с нами вопроса не согласовывал, но общеполитическая обстановка в Харбине была уже такая, что не пойти было опасно» *[13]*.

Кружок стал постепенно распадаться и к маю 1934 года на собраниях вместо нескольких десятков присутствовало по шесть-семь человек. Окончательный распад харбинской «Чураевки» датируется 6 декабря 1934 года. В этот день в газетах Харбина появилось сообщение о двойном самоубийстве в отеле «Нанкин» молодых поэтов-чураевцев Сергея Сергина и Георгия Гранина, вызвавшее настоящую травлю литераторов со стороны японских властей. Встречи по пятницам прекратились, закрылась и газета «Чураевка».

«Но тот не подымется вновь, кто не падал...»*

Начался исход русских из Харбина в Пекин, Шанхай, Европу, США. В Шанхае уже в 1933 было организовано объединение литераторов под названием «Пятница». В него вошли девять человек: Петерец, Щеголев, Перелешин, Андерсен, Хаиндрова, Крузенштерн-Петерец, Иевлева, Коростовец, Померанцев. Все были из Харбина, а пятеро из девяти — «чураевцами». Число участников шанхайской «Чураевки» скоро достигло нескольких сотен. Они собирались под лозунгом «Мы живем на Востоке, но сердца наши обращены к России!»

В Шанхае был создан последний сборник харбинских «чураевцев» — «Остров». Об истории его возникновения пишет в воспоминаниях Ларисса Андерсен: «Харбинские поэты, перебравшиеся в Шанхай, решили еженедельно собираться вместе. Для "раскачки" выдумали игру: название стихотворения вытягивалось из "урны" и каждый был обязан написать к следующей встрече стихи, как-то подходящие к этому названию… Так к концу войны возник наш сборник — альманах "Остров"» *[14]*.

---

* Строка из стихотворения А. Ачаира «Вселенская Русь».

Однако «Пятница» не смогла продолжить традиции «Чураевки» харбинской. Вероятно, не было лидера, подобного Ачаиру, и 1 ноября 1935 года «Пятница» слилась с организацией «Восток».

Окончание Великой Отечественной войны поставило точку на жизни русской эмиграции в Китае. Чураевцы вынуждены были рассеяться по всему свету: одни вернулись в Россию, другие отправились в Америку или Австралию. Судьбы чураевцев сложились по-разному, как в стихотворении Лариссы Андерсен.

Так всех нас разметало по белому свету,
Что не хватит бумаги заполнить анкету.
На Харбин? На Шанхай? На Мадрас? На Джибути?
На Сайгон, на Таити, Москву не забудьте.
Сидней, Рио, Гонконг, Сан-Франциско, Канаду,
Тель-Авив, Парагвай и Варшаву мне надо.
А ещё Соловки, Колыму, Магадан.
На метле? Я готова! Тащи чемодан *[14]*.

Выдающийся поэт Арсений Несмелов погиб в отделении НКВД на станции в Гродекове.

Мы — лишь тема, милая поэту,
Мы — лишь след на тающем снегу… *[9]* —

писал он в поэме «Через океан», словно предвидя будущее.

Долгая жизнь была уготована Лариссе Андерсен. С 1971 года Ларисса Николаевна поселилась во Франции, где и жила до последних дней. Виктор Леонидов[8] в некрологе «Не стало Лариссы Андерсен» писал: «Лариссе Николаевне Андерсен была отмерена долгая жизнь. Женщина-легенда, "русский цветок Харбина", великая танцовщица, блистательная поэтесса — как только не писали и что только не говорили о ней современники. Один из исследователей назвал ее "Музой Дальневосточного Парнаса", а сам Александр Николаевич Вертинский говорил о ее творчестве как о "таланте Божьей милостью".

Две стихии владели этой удивительно красивой женщиной. Танец и поэзия... Ее сценические выступления в театрах и клу-

бах принесли ей огромную славу. Но, может быть, еще большую известность она получила как поэт... Одна из последних современниц века и символ служения своей стране в изгнании, Лариса Андерсен тихо ушла из жизни в своем доме во Франции в маленьком городке Иссенжо» *[18]*.

В «Некрологе» Михаила Дроздова[9] читаем: «Последний лепесток с восточной ветви русской эмиграции отлетел. 29 марта 2012 года во Франции тихо скончалась лучшая поэтесса "русского Китая" Ларисса Николаевна АНДЕРСЕН. Случилось это на 102 году ее удивительной и такой долгой жизни… С уходом Лариссы Андерсен закончилась эпоха. Запомним этот день как день, завершающий летопись первой русской эмиграции в Китае…» *[19]*.

Трагически сложилась судьба Алексея Алексеевича Ачаира. Он был в числе 15 тысяч репатриированных в СССР. После прихода Красной армии в Харбин в 1945 году Алексей Ачаир был арестован СМЕРШем и осужден на 10 лет. «В той звериной жизни было не до стихов», — писал Ачаир *[15]*.

Алексей Алексеевич Ачаир автор нескольких прижизненных книг стихов, вышедших в Харбине: «Первая» (1925), «Лаконизмы» (1937), «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939), «Под золотым небом» (1943). Его стихи печатались не только в Харбине, но и в Европе: в Праге, Берлине. В 2009 году вышел в свет первый сборник Ачаира в России — «Мне кто-то бесконечно дорог…», в котором собраны все произведения поэта. В предисловии к сборнику Елена Таскина[10] приводит высказывания о поэзии Ачаира Александра Перфильева: «…В его стихах ясная умудренность, сдержанность. Улыбчивая, чуть тронутая инеем грусть». Позднее А. Перфильев писал: «Алексей Ачаир радует и волнует. Свежесть сравнений, умелое пользование рифмами по созвучью и обновление форм сочетается у него с простотой и ясностью» *[7]*.

Но главным детищем сибирского казачьего офицера и литератора Алексея Ачаира была все-таки «Молодая Чураевка». Она вошла в историю эмигрантской литературы как уникальное объединение, где вопросы художественного мастерства поднимались наравне с вопросами духовного воспитания. «Молодежное объединение "Чураевка" было питомником литературных кадров дальневосточной ветви русского зарубежья», —

пишет доктор исторических наук, писатель Георгий Мелехов в книге «Белый Харбин: Середина 20-х». «Молодая Чураевка» оставила богатое литературное наследство: за годы ее активной деятельности издано четыре сборника стихотворений: «Лестница в облака», «Семеро», «Багульник», «Излучины».

Роль двух сибиряков — Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира, покровителей и наставников харбинских «птиц певчих», трудно переоценить: объединив талантливую молодежь, они способствовали их творческому росту, прививали любовь к русскому слову и Родине. Думается, под влиянием близких по духу людей у Лариссы Андерсен родились замечательные строки:

Я думала, Россия — это книжки.
Всё то, что мы учили наизусть.
А также борщ, блины, пирог, коврижки
И тихих песен ласковая грусть.
И купола. И тёмные иконы.
И светлой Пасхи колокольный звон.
И эти потускневшие погоны,
Что мой отец припрятал у икон.
Все дальше в быль, в туман со стариками.
Под стук часов и траурных колёс.
Россия — вздох.
Россия — в горле камень.
Россия — горечь безутешных слёз *[16]*.

Комментарии к тексту

1. Христианский Союз — (Харбин, 1925-1933) — одна из старейших международных благотворительных организаций, открывшая представительство на Дальнем Востоке для помощи беженцам из России, пострадавшим от революции. Под эгидой ХСМЛ А. Ачаир, старший секретарь русского отделения этой организации, начал поддерживать детское, молодежное и юношеское движение в Маньчжурии. При ХСМЛ были образованы детский сад, постоянно действующие курсы дошкольного воспитания, гимназия, колледж, институт, библиотека, юношеское объединение «Костровые братья».

2. Крузенштéрн-Пéтерец Юстина Владимировна (1903-1983) — журналист, поэт русского зарубежья. С волной беженцев оказалась в Харбине. Сотрудничала в харбинской газете «Гун-Бао» и журнале «Рубеж». Член объединения молодых литераторов «Молодая Чураевка». В конце 1930 года перебралась в Шанхай. Фельетонист и политический обозреватель газеты «Шанхайская Заря» (1931—1934). Работала в крупнейшей местной английской газете «North China Daily News». Занималась переводами книг. Потом жила в Бразилии, с начала 1960-х — в США, где работала в русском отделе радиостанции «Голос Америки» (10 лет), потом — редактором газеты «Русская жизнь».

3. Якобсон Елена Александровна (1913-2002) после революции эмигрировала в Китай. Окончила в Харбине университет со степенью бакалавра наук по экономике и юриспруденции. В 1936 году преподавала в средней школе в Тяньцзине русский язык и литературу. В США с 1945 года. Работала переводчиком, участвовала в составлении учебников русского языка. Впоследствии работала на радиостанции «Голос Америки». Основоположница факультета славянских языков и литератур и инициатор преподавания русского языка в университете им. Дж. Вашингтона. С 1951 года преподавала в университете русский язык, а в 1953-1969 годах возглавляла отделение русского языка и литературы. Автор и соавтор 8 учебников русского языка. Автор автобиографической повести («Crossing Borders»). В 1995 году от российского посольства получила награду за «сохранение и развитие русской культуры и духовных ценностей». Кавалер пяти наград и почетных членств, включая звание выдающегося профессора университета Дж. Вашингтона (1966).

4. *Андерсен Ларисса Николаевна (1911-2012)*, поэтесса Русского Китая, танцовщица, член литературного объединения «Молодая Чураевка». Одна из основателей литературной студии «Шанхайская Чураевка» (1933). Из Китая эмигрировала во Францию.

5. Слободчиков Владимир Александрович (1913-2007) в Харбине с 1920 года. В 1931 окончил с золотой медалью гимназию и поступил на юридический факультет университета. В гимназии начал писать стихи и увлекся мелодекламацией. Член литературного объединения «Молодая Чураевка». Затем жил в Шанхае. Продолжил образование во французском университете «Аврора», служил в шанхайской муниципальной полиции, в импортно-экспортных фирмах. В 1953 году арестован и вывезен в СССР. После смерти Сталина и ареста Берии выпущен из заключения. Опубликовал несколько научных работ и учебники французского языка для средней школы, биографическую книгу «О судьбе изгнанников печальной».

6. Щеголев (псевдоним Николай Зерцалов) Николай Александрович

(1910-1975) — поэт, журналист, редактор газеты «Новый путь» (Шанхай). Возглавлял поэтическую студию объединения «Молодая Чураевка». Член редколлегии газеты «За Родину».

7. Перелешин (Валерий Францевич Сала́тко-Петрище) (1913-1992) — русский поэт, переводчик, журналист, мемуарист «первой волны» эмиграции. Стихи публиковал с 1928 года в Харбине; в конце 1930-х в печати появляются его переводы с английского и китайского. В 1938 году принял монашеский постриг под именем Герман в Харбинском Казанско-Богородском монастыре. С 1943 года жил в Шанхае, работал переводчиком в отделении ТАСС. В 1946 году получил советское гражданство. С 1950 года жил в США, но выслан за попытку «создания китайской коммунистической партии». С 1953 года до конца дней жил в Бразилии, преподавая в Рио-де-Жанейро русский язык, работал также продавцом в ювелирной лавке и т. д.

8. Леонидов Виктор Владимирович (1959) — кандидат и. н., создатель первой в СССР архив-библиотеки русской эмиграции, автор-составитель шести книг поэтов русского зарубежья и более 500 статей, опубликованных им в различных газетах, журналах, энциклопедиях и научных сборниках, посвященных наследию российского изгнания XX века.

9. Дроздов Михаил (1971) в 1993 году окончил юридический факультет ДВГУ. Стажировался в Даляньском институте иностранных языков (1991) и Фуданьском университете (1996-1998). В настоящее время является руководителем российской компании «МАРС КОНСАЛТИНГ».

Председатель Правления «Русского Клуба в Шанхае».

Председатель Координационного совета соотечественников в Китае.

10. Таскина Елена Петровна (Кириллова) (1927) — филолог, историк культуры российской эмиграции в Китае. Родилась в Харбине. Училась в гимназии ХСМЛ. Вернулась на Родину в 1954. Кандидат педагогических наук, преподавала английский язык в Московском государственном педагогическом институте. Автор работ об истории и культуре российского зарубежья на Дальнем Востоке, в том числе книги «Неизвестный Харбин» (М. 1994). Составитель сборников «Харбин — ветка русского дерева» (Новосибирск, 1991), «Русский Харбин» (М., 1998) и др.

Литература:

1. Крузенштерн-Петерец Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5.

2. Росов В. А. «Полно охватить всю сибирскую Русь». «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира. Новый журнал (Нью-Йорк). 2009. № 256. С. 239-263.

3. Е. Якобсон. Пересекая границы. Революционная Россия Китай — Америка. HTTPS://PROFILIB. NET/CHTENIE/80793/ELENA-YAKOBSON-...

4. Забияко А. А. «Дело о «Чураевском питомнике»: некоторые штрихи к известной истории харбинского литературного объединения» // Проблемы Дальнего Востока. «Наука». Москва. 2006. № 6. С. 170-186.

5. Гребенщиков Г. Д. «Гонец. Письма с Помперага». Международный центр Рерихов. Москва. 1996.

6. Забияко А. А. «Ментальность Дальневосточного фронтира: культура и литература русского Харбина». Монография. Новосибирск. 2016.

7. Гурулев Е. «Молодая Чураевка» — островок русской культуры в Китае. «Эстезис. Азиатская литература». № 4, апрель, 2017.

8. Ачаир А. А. «Мне кто-то бесконечно дорог…». Москва. Янус-К. 2009.

9. Якимова С. И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. Хабаровск. Издательство ТОГУ. 2013.

10. Тишунина Т. Б. «Незабываемая «Чураевка». Журнал «Восточная коллекция», Москва. Журнал «Восточная коллекция».

11. Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник//Рубеж. — 2009. — № 9.

12. Крузенштерн-Петерец Ю. «Смятение расцвета. Еще раз о «Чураевке». (HTTP://WWW.RUSSIANSHANGHAI.COM/HISTORY/NOW/POST560).

13. Слободчиков В. А. «Чураевка» // Русский Харбин. М., 1998.

14. http://arseniev.org/press/4859/.

15. https://books.google.kz/books?isbn=5457622134.

16. Петрова Н. «Россия — горечь безутешных слез…» Ж-л «Иные берега», № 2 (46), 2017.

17. Росов ВА. Белый храм на высоких горах. Санкт-Петербург, АЛЕТЕЙЯ. Историческая книга. 2004.

18. http://www.domrz.ru/index. php?mod=news&id=936.

19. http://www.russianshanghai.com/blog/post6772.